

Введенская Мария

МИР УЭЙДА

Однажды человек теряет всё... Так ему кажется. Он больше не понимает, зачем жить дальше.

Мария Введенская

Мир Уэйда

Серия «Библиотеки Смерти»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22067075
Мир Уэйда: Маска; Москва; 2013
ISBN 978-5-91146-859-0

Аннотация

Новый роман из цикла «Библиотеки смерти»!

Потерявший любимую жену Уэйд Стивенс решает покончить с собой. Но очнувшись после неудачной попытки, он не узнает свой дом....

Пропали все его вещи, словно бы Уэйд давно прекратил свое существование.

Зато Кристин почему-то жива....

И вроде бы можно радоваться и даже попробовать начать всё сначала....

Но Вселенная не терпит ошибок.

И тогда появляется Он, чтобы восстановить реальность Уэйда, убивая всех, чье время там уже наступило.

Потому что так правильно.

И последней должна стать Крис....

Содержание

Пролог	5
Мир № 1	10
Мир № 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мария Введенская

Мир Уэйда

© Введенская Мария, 2010

* * *

Однажды человек теряет всё....

Так ему кажется.

Он больше не понимает, зачем ему жить дальше.

Однажды в дела человека вмешивается Вселенная....

Чтобы он понял....

Чтобы не казалось....

Пролог

– Я дома. – глухо, словно из бочки крикнул Уэйд и закрыл за собой дверь.

Последние полторы недели выдались, прямо сказать, претяжелыми.... Хотя чего скрывать – они оказались полным говном. Уэйд, конечно, был далеко не мальчик, но на память, слава Богу, не жаловался, и теперь, перебрав в голове с десятков неудачных периодов в жизни, мог открыто признаться, что хуже этих десяти дней у него никогда не случалось. Он стащил грязные из-за постоянного пребывания на стройках ботинки и отбросил их словно тяжелые гири, которые обязался себе доносить до этой минуты. Засохшая местами грязь поднялась пылью в воздух и осела на остальную разбросанную обувь. Кому теперь какое дело? Раньше все аккуратно стояло на стойке в прихожей, но четыре дня назад Уэйд психанул и сломал ее. Психанул, когда собирал *ее* вещи по коробкам. И теперь его обувь в хаотичной манере, словно мертвые муравьи валялась повсюду.

Никто не ответил. Оно и понятно, в доме ведь никого не было, кроме самого Уэйда, бредущего в кухню, где раковина, битком забитая грязной посудой, дурно пахивала, а липкий от пролитой выпивки пол лоснился пятнами коричневатого цвета. Такое случалось и раньше, когда на его «я дома» никто не отвечал, потому что Крис вышла за покупками, к

примеру, или еще куда-нибудь. У нее всегда находилось куда выйти. Вечно деловая Крис – незаменимая и нарасхват. Но сейчас все было по-другому. Сейчас тот факт, что он – Уэйд – дома, был действительно никому не интересен.

А вообще привычка забавная... Давным-давно, что сейчас уже кажется ненастоящим, когда они оба учились в институте, Уэйд не на шутку увлекся восточной культурой, и вычитал, что у япошек есть обычай извещать о своем появлении, даже если дома никого нет. *Тадаума* – так это звучит. Что-то в этом одинокое и безумное... Но тогда в шестьдесят восьмом, когда они только-только решали, куда податься, чтобы устроить свою жизнь, осесть и свить гнездо, это показалось чрезвычайно милым. Тем более что было, кому говорить. Сколько же времени прошло с тех пор? Хренова туча – иначе не скажешь... Сорок два года. Целых *сорок два* года. Хороших, веселых, полных любви и иллюзий, что все это будет длиться вечно... Как смешно.

Уэйд открыл холодильник и достал банку пива... Холодильник, в котором кроме этой самой банки больше ничегошеньки и не было. *Надо бы поесть...* – промелькнула ленивая, ничем не окрашенная мысль в его голове. Да, *наверное, надо...* Уэйд оценивающе осмотрел кухню, так словно видел ее впервые за последнее время, и на лицо легла тень отвращения. Нет, он определенно не хотел пить свое пиво в этом сральнике... к черту всё.

Он поплелся в ванную комнату, расстегивая клетчатую

рубашку и практически залпом хлебая пиво. Ванная, похоже, была одним из самых чистых мест в доме... вероятно, потому что Уэйд не часто сюда заходил за последние полторы недели. Только лишь для того, чтобы слить жидкость, которой заливался доверху. Он бросил пустую уже банку в раковину и открыл душевую кабинку, включил холодную воду, постоял немного, потом разделся, скинув одежду на пол, и встал под душ, не проронив ни звука, ни охнув, и даже ни вздохнув. Холодная... горячая – какая разница. И как ему вообще такая идея пришла в голову? Наконец, помыться? Прямо крещение... не иначе.

Поначалу вода обжигала, но вскоре Уэйд свыкся с ней и перестал обращать внимание. В конце концов, не это ли сейчас ему было нужно – немножко охолонуться, чтобы хоть чуточку привести мысли в порядок, а процесс мышления – в режим работы? Где-то в гостиной зазвонил телефон, но лицо Уэйда осталось безмятежным, словно он его и не слышал. За последние полторы недели телефон звонил довольно часто. Пожалуй, даже чаще, чем за весь последний месяц, а то и два, но Уэйд не реагировал. *Надо бы отключить...* – подумал он, но тут же забыл об этом. Его внимание сейчас куда-более занимало его собственное тело – нагое шестидесяти пятилетнее тело. Вот оно – время в работе.

По правде сказать, Уэйд был в довольно неплохой форме для своего возраста, однако все же в худшей, нежели десять дней назад, которые сделали его отечным, помятым и

нездоровым. Тогда он бегал по утрам, хотя теперь говорят, это вредно. Но ему было все равно. Он делал это для Крис. Чтобы ее щеки розовели, когда он раздевается перед ней. Да, ее щеки до сих пор розовели, и да, они до сих пор спали вместе, как любовники – чувства не притупились, и страсть не охладела... хотя прошло целых сорок два года. А теперь это довольно жалкое белесое и отечное строение человекообразной формы с безвольно повисшим членом, что придавало еще большей жалости образу, стояло под ледяной водой и думало: *а не поест ли?* – хотя под едой подразумевалось нечто другое... то, что безотказно сливалось в унитаз. Главное, не забывать спускать, а то от самого чистого места в доме ничего не останется. Интересно, что бы на это сказала Кристин?

Уэйд выключил воду, вытерся давно уже несвежим полотенцем, одел то, что валялось на полу, и вышел из ванной. В прихожей было раскидано по меньшей мере шесть пар обуви в росчерках засохшей грязи, но из уважения к Крис, он одел самые чистые ботинки. Жена весьма негативно отнеслась бы к подобному, если не сказать больше. Ему частенько влетало, случись притащить грязь в дом. Возможно, сейчас он подсознательно хотел ее взбесить настолько сильно, чтобы вернуть? Хотя это полное безумие.

Последние полторы недели напрочь снесли ему крышу, уничтожив того Уэйда Стивенса, коим он являлся в течение шестидесяти пяти лет... Уничтожив веселого простодушно-

го парня, не терпящего предательства и лжи. Парня, которого все уважали за искренность чувств и справедливое отношение к людям, за честность, за непоколебимую веру в добро, за трогательную правильность и прямоту. Этого парня больше не вернуть, и более того, с каждым днем будет становиться только хуже, пока он не добьет себя, и изменить ничего нельзя... да и ни к чему, пожалуй.

Надо с этим заканчивать... – подумал Уэйд Стивенс, а вслух сказал:

– Надо бы поесть... – и вышел из дома, осторожно закрыв дверь, как любила Крис.

Мир № 1

Девятого июня разразилась гроза. Причем она была такой силы, что даже старожилы Вермингтона – небольшого городка в Мичигане – не смогли припомнить подобного. Рвало и метало. Ветер гнул до земли деревья, молнии, словно стрелы Зевса, обжигали небо, а раскаты были столь оглушительными и внезапными, что дети взвизгивали, собаки забивались в темные углы, а преподобный Роули и вовсе дрестанул в штаны, хоть и случилось это, слава Богу, не во время проповеди. Правда, Дороти Селфридж, которая собственно и разнесла по городу сию новость, утверждала, будто в тот злополучный момент именно ее исповедью занимался преподобный. Интересно, есть ли надежда на отпущение грехов после такого? Или Бог так хохотал, что пропустил все мимо ушей? И все это было бы действительно смешно, если бы не было так грустно. Потому что именно в тот самый момент в доме № 37 по Парковой улице умерла Кристин Стивенс, сделав дальнейшую жизнь своего мужа Уэйда невыносимой.... Остановилось сердце, а точнее фибрилляция желудочков, которую скорей всего спровоцировал инфаркт – так сказали медики. Да уж... ничего себе раскатец. Кто-то дрищет, а кто-то умирает.... Парадокс. Смешно и страшно. Возможно в мире просто необходимо наличие того и другого каждую секунду.

А Кристин была класс. Все соседские мужики завидовали Уэйду с тех самых пор, как они переехали сюда в шестьдесят девятом. Открытая миру улыбчивая красавица, а хохотала так, что соседи слышали; точеная фигурка – все при ней, да и вообще какая-то вся не поземному миниатюрная, что тут же хотелось ее защищать. Они смотрелись вместе. Стоили друг друга. Хотя местные мужики считали, что и они сами бы ничуть не хуже смотрелись с этой леди. Даже преподающий Роули, который так испохабил момент ее смерти. Кристин была что-то. В этих своих легких платьях или свободных свитерах, в белокурых кудрях, с синими глазами. Да, конечно, время взяло свое, и кудри ее поседели, а глаза повыцвели, но в целом оно обошлось с ней по-доброму, оставив все нужные координаты – имелось бы воображение, а у Уэйда его было в достатке. Видимо, к добрым время всегда так относится. Будь открыт, и мир откроется для тебя, а делаешь зло кому-нибудь, и огребешь по-полной. Так справедливо. Так правильно.

Кристин Стивенс дожила до шестидесяти пяти, и мужчины до сих пор поглядывали в ее сторону и примеряли на себя, как новую дорогую одежду, потому что она была класс. Легка и открыта, и все-то у нее складывалось. Но девятого Бог, видимо, случайно отвернулся, и она умерла, испугавшись раската грома.

Весь город оплакивал Крис. Весь город пришел в аккуратный домик № 37 на Парковой улице, чтобы проститься с ней.

Но никто... ни один не помыл *тарелки*... что практически заставило Уэйда ненавидеть их всех так люто, что тряслись поджилки. Он тоже не стал их мыт, что было своеобразный протестом... против чего-нибудь. Он вообще так и не спустился в тот день. Всем заправляла Дина – их единственная с Кристин дочь... но и она не помыла тарелки. Уэйд не знал почему. Хотя, может, и помыла, а грязную посуду в раковине оставил сам Уэйд, когда доедал и допивал то, что не доели и не допили? Но так-то ему будет некого ненавидеть, а этого допускать никак нельзя. Он просто замкнулся в себе. Превратился в совершенно другого человека. Когда-то Уэйд был хорошим, но жизнь его не оценила. Она его обманула. Она забрала самое дорогое. Что ж... пожалуй, придется сделать с ней то же самое....

Паб «Лисья Звездочка» находился неподалеку, на углу Парковой и Кленовой, и это было хорошо. Единственное, что смущало Уэйда, так это тот факт, что среди посетителей паба не было ни одного незнакомого лица. Можно, конечно, съездить в Ринтон, а потом заночевать в машине, но у Уэйда имелись совсем другие планы на эту ночь. Так что он решил просто не замечать всех этих людей (*которые не помыли за собой тарелки*). Уэйд сел у бара и заказал виски, проигнорировав приветствие и соболезнования Дика Чемберза – владельца бара и по совместительству бармена.

Засунь себе это в жопу... – подумал Уэйд, источая ментальный яд. Он не сомневался, что Дик тоже считал его недо-

стойным Крис. Имел на нее виды. Считал – поделом тебе. Моя жена умерла – теперь и твоя... мы квиты. Жизнь нас рассудила. Да, именно так он и считал. Несомненно....

Полина Чемберз умерла от рака груди пять лет назад, оставив после себя чемодан тряпья и самое дурацкое название паба, которое только можно вообразить. Дик закрылся на неделю, а потом приходил в себя еще где-то год. Он как никто был готов сейчас выслушать и помочь, но вот только Уэйд оказался совершенно не готовым принять эту помощь и быть выслушанным. Сейчас ему представлялось, что смерть Полины была какой-то фикцией... для отвода глаз. Лишь возможность для Дика начать пытаться захватить его Крис. Пялиться на нее, пускать слюни, не чувствуя себя при этом виноватым.

Уэйд заказал еще порцию и подумал, что явно переоценил собственную невозмутимость, и что если еще хоть одна рука хлопнет его по плечу, чтобы выказать поддержку или сочувствие, он сломает ее. Даже головы не повернет, просто схватит кисть, перевернет так, чтобы локоть лег на его плечо и дернет вниз со всей силы... до гребаного хруста. А еще, возможно, процедит сквозь зубы: «Разве жена не научила тебя мыть тарелки?» Хотя, лучше этого не говорить. Лучше просто сломать руку, или как в черной комедии класса «Б» просто оторвать. Интересно, как на это отреагируют остальные, и вообще способен ли человек оторвать другому руку? Это же не только кость... это еще и мышцы, кожа. Для этого

нужно быть очень сильным или пребывать в тяжелейшем состоянии аффекта. Уэйд был уверен, что сможет это сделать – так он был зол... так он ненавидел всех этих людей, которые хотели заполучить его Кристин в течение последних сорока двух лет.

На плечо легла очередная рука, и Уэйд уж и впрямь приготовился поставить опыт с отрыванием рук, но вместо соболезнований голос за спиной произнес:

– Я звонил... Ты снова не брал трубку. Поэтому я пришел сюда... Поговори со мной, друг.

Желание ломать руки отпало. Гарри, пожалуй, был единственным человеком, которого Уэйд не ненавидел. И еще Дина... но он просто не имел права ее ненавидеть, поскольку та его дочь – а это очень весомый, хоть и единственный аргумент... Потому что он знал ее меньше остальных, и уж точно меньше Гарри. Дина оставила семейное гнездо еще в подростковом возрасте. Заявила, что уже взрослая, что ее все достало, и она вполне способна решать свою жизнь сама. Дина уехала в Бостон, и очень редко баловала своих родителей информацией о себе. Крис и Уэйд знали, что она где-то училась, где-то жила, работала в типографии, вышла по-тихому за адвоката Дэниэла Фрэйза и совершенно не хотела иметь детей. Они знали, что Дина счастлива и вполне довольна тем, как устроила свою жизнь, и им этого оказалось вполне достаточно. Чета приезжала на Рождество, а в остальное время приходили открытки в больших количествах, для которых

Крис купила плетеную шкатулку и складывала туда, а потом иногда перечитывала. Сейчас Уэйд растопил бы ими камин, если бы конечно он у него был. Но Крис их любила... любила просто держать в руках. Они напоминали о Дине. Интересно, а что будет напоминать Уэйду о Крис? Надо обязательно найти такие вещи... их должно быть много. Надо найти.

Уэйд сделал почти незаметное движение, похожее на поворот головы.

– Я не уверен, что хочу разговаривать... – буркнул он и испугался собственного голоса. – Но, если ты хочешь выпить со мной, я не буду против...

– Это уже обнадеживает. – Гарри обошел Уэйда и сел рядом.

– Мне то же самое. – сказал он Дику, даже не посмотрев в его сторону, но с полной уверенностью, что услышан.

Гарри был шерифом местной полиции, и считался действительно крутым парнем. Даже тогда в шестьдесят девятом, когда он был всего лишь обычным патрульным. Мальчишка... но все прочили ему высокий полет. Их знакомство и дружба, практически братство – все это случилось с первого взгляда... как любовь. И снова все замешалось вокруг Кристи. Куда ж без нее? К тому времени они уже прожили в Вермингтоне около трех месяцев и уже неплохо ориентировались. Даже завели каких-то друзей. Было одно заведение под названием «Нора» – что-то вроде огромного бара, напоминавшего снаружи ангар, где по пятницам и субботам

устраивались танцы. Давно он сгорел... почти сразу после того случая, да и слава Богу. «Нора» пользовалась дурной славой, потому что туда съезжался всякий сброд из близлежащих городков, но самыми дебоширами, бесспорно, считались ринтоновские. Уэйд с Крис, естественно, об этом ничего не знали, просто хотели повеселиться, и в первый раз им это действительно удалось. А в следующий – приехали ринтоновские и, разумеется, заметили такую красивую белокурую девочку, как Крис. Стали приставать.... Короче очень скоро все свелось к неравной драке в окружении довольно многочисленной группы. Уэйд не помнил, сколько их было, но приехали те на двух здоровенных пикапах. Ну, может быть человек восемь-десять, а то и больше. По счастливой случайности именно Гарри Оуэнс патрулировал этот участок. Увидел наметившийся беспредел и просто присоединился. В принципе он мог разогнать ринтоновских, пальнув в воздух пару-тройку раз, но не стал этого делать. Драка ведь куда интересней, да и физический контакт – более доходчиво разъясняет ситуацию, разве нет? Ну и началось.... Словно танец. Спина к спине. Драка была на улице, но музыка из бара задавала ей темп. Эдакое веселое забористое кантри. Ну, в общем, им досталось, конечно, зато ринтоновских они сделали. Сделали так, что те больше не сунулись, а чуть позже сожгли «Нору». Вряд ли кто-то другой – все-таки личная обида. Но если честно, ни Гарри, ни остальные об этом особо не сожалели. Не хорошее считалось место. Слишком

много проблем и возни, так что все случилось, как нельзя к лучшему.

– Сколько их было тогда? – вдруг спросил Уэйд. – Восемь?

– Нет, старина, больше... – сразу ответил Гарри, который был словно на той же волне. – Дюжина.

– Да-а... здорово мы их тогда.

– Хочешь повторить? – усмехнулся тот.

– Я даже себя не в состоянии ударить... не то, что ко-го-то. – Уэйд допил одним глотком виски, и, найдя глазами Дика, показал пальцем на свой стакан. – Я не видел тебя на похоронах.

– Я был... – сказал Гарри. – И стоял рядом с тобой.

– Правда? – Уэйд посмотрел на друга изумленными глазами.

– Да. Ты просто никого не видел, кроме... – он запнулся, и они надолго замолчали.

– Как на работе? – спросил Гарри.

– Строим... – ответил Уэйд, неотрывно глядя в стакан. – Я закончил с проектом для культурного центра, ты знаешь... Теперь езжу, смотрю, как они его предваряют в жизнь. – Последнее слово далось с трудом, словно гнилой лимон. – А у тебя?

– Ничего интересного. Так... парочка мелких правонарушителей. – действительно с сожалением сказал тот. – Как-то мы с тобой быстро постарели.

Уэйд фыркнул.

– Ты слышал слова Роули на кладбище?

– О нем дурная слава... – Гарри покачал головой.

Уэйд вопросительно посмотрел на него.

– Не знаю, как и сказать. – Гарри сделал виноватое лицо. –

Говорят... он может надрезать смерть....

Лицо Уэйда остекленело, и стало неясно, что он сейчас делает. Казалось даже, что все посетители Лисьей Звездочки почувствовали это напряжение. Гари нагло смотрел в ответ, а прозрачные глаза в обрамлении морщин горели дьявольским огнем. И вдруг Уэйд прыснул и захохотал высоким истеричным голосом. Гари захохотал тоже. Это было дико, и они оба прекрасно это понимали... но в то же время и смешно. Предательски невыносимо смешно. Все еще смеясь, Гарри обернулся в зал и пробасил:

– На что уставились? – а потом снова посмотрел на друга, который вытирал слезы не понятно какого характера.

– Ну, так что он там рассказал?

– Да не только он... так вообще принято говорить, чтобы утешить. Знаешь, эти заготовленные написанные на листках речи, а, может даже, из их церковных учебников. Вроде с душой и трогательные, если кино смотришь, а когда стоишь там на кладбище, и он говорит тебе эту херню про то, что никто не уходит навсегда, и смерть – часть жизни... чувствуешь себя обманутым и еще идиотом. Как будто стоишь на каком-то спектакле, и никому по правде нет дела ни до усопшего, ни до боли родственников.

– Я не слушал его, хотя и довольно религиозный парень, ты знаешь. *Ничто не вечно под луной*... Теннисон кажись...

– Шекспир, дурила!

– Да плевать мне... – отмахнулся Гарри. – Все это в любом случае лабуда. Люди просто хотят жить вечно, и готовы верить в любого бога, который может им это пообещать. Мы все умрем.

– Точно. – кивнул Уэйд. – Разве это не *утешает*?

– Я должен волноваться?

– Я говорю с тобой – разве не этого ты хотел?! – с вызовом бросил тот. – Не надо со мной нянчиться!

– Ладно-ладно, не горячись. – Гарри выставил вперед ладони. – Я внимательно слушаю.

Перед тем, как продолжить, тот сделал знак бармену, и только после того, как порция была снова обновлена, повернулся к Гарри.

– Кто-то раньше, кто-то позже, но мы все умрем. С разницей в два года, пять лет, двадцать. Ты только вдумайся, как это ничтожно мало. Хотя все живут, будто бессмертны. Оставляют на потом, репетируют перед сольными, до которых так и не доживут. Но я считаю, все должны понимать, что двадцать лет – это крохи.

– Ты что себя уговариваешь на то, чтобы продолжать жить?

– Я просто пытаюсь понять, почему в нашем сознании задела необходимость страдать и мучиться, когда *мы всё рав-*

но все умрем??? И довольно скоро! Я знаю, есть люди, которые сознательно укорачивают свою жизнь. Таких много. Одни это делают медленно, другие – быстро. Вот и всё. Но они просто не знают... не понимают, что такое жизнь и смерть. Они думают, что вечны. Думают, что никогда не умрут. Думают, что потеряли своего любимого навсегда. Хотя разговор на самом деле о цифрах....

– Все так, – вставил Гарри. – Все откладывают на завтра.

Он поднял стакан. И у него, и у Уэйда виски оставалось ровно на один глоток.

– У меня тост.... Давай выпьем за то, что мы все очень скоро умрем. За то, что мы не бессмертны и не теряем своих любимых действительно навечно. За цифры, о которых ты говорил – за два, за пять и даже за двадцать.

Уэйд кивнул, уставившись в небытие, а Гарри тем временем, поднес свой стакан, чокнулся и проглотил оставшееся виски. Он был уже навеселе и явно не рассчитывал на продолжение, но увидев, как Уэйд делает знак бармену, смиренно кивнул и заказал еще порцию. Рут вынесет ему мозг. Ну и шут с ней!

Уэйд ушел в себя. Казалось, он размышлял о чем-то, изучая всё то же небытие. Гарри даже немного заскучал. Осмотрел зал, отметил, что народу заметно поубавилось, но те, что остались, осторожно косятся в их сторону. Все знакомые. Интересно, а это хорошо или плохо – жить в таком маленьком мире, где все друг друга знают? Или это только кажется,

что он маленький? Вон братья Белен Роберт и Дэнис. Оба довольно неплохие плотники, но пьют, как черти, так что с ними лучше не связываться. В прошлом году Гарри собственноручно снимал Роба с крыши. Тот напился и полез ночью заканчивать работу, которую не доделал днем. Или они это сделали на спор? Гарри уже не помнил. В любом случае пьяный в хлам Дэнис позвонил в полицию и попросил снять брата с крыши. Весь участок лежал....

Правее от них две местные патаскухи Дженис Уитмор и Ленни Брамс хищно поглядывали по сторонам, но Гарри справедливо предположил, что сегодня они будут пить за свой счет. Не тот контингент подобрался. Рут и Дженис были одноклассницами, и жена рассказывала, что в школьные времена та слыла пай девочкой. Что потом произошло? Никто не знает, но бабенку понесло не на шутку. Сзади сидела компания из четырех человек – все из бригады Уэйда, строители. Что ж, вряд ли, завтра они что-то построят, судя по аппетитам. Черного парня звали Стивен Лазар, и поговаривали, будто он сожительствует со своей сестрой. Рядом с ним Боб Престон лысый и страшный, как грех, а вот жена у него очень даже ничего. Парадокс. Седовласый бородач с офицерской выправкой Джон Праунс, и он в свое время действительно был военным и служил на подводной лодке. Но там что-то случилось, и много народу погибло. Джон не любил это вспоминать, да к нему и не лезли. И четвертого звали Мартин Кинг по прозвищу Лютер. Забавный парень,

моложе их всех. Появился в городе не так давно. Один. Никто о нем толком ничего не знал, но он был действительно еще тем весельчаком, любил пошутить, поэтому его приняли практически с распростертыми объятиями. Таких любят, хоть от них вреда больше, чем пользы. И последним посетителем этим вечером был Йозеф Клерк. Он носил какую-то трудно запоминаемую фамилию, поэтому в округе не особо парились и называли его по роду деятельности – клерк. Он работал в банке, ни жены, ни детей, ни друзей, никого. Один, как больной волк, которого сородичи даже сожрать побрезговали. Он приходил сюда каждый вечер поужинать. Ни с кем не общался. Да и хрен бы с ним. От таких добра не жди. Станный он, мрачный. Неприятный какой-то и вечно угрюмый.

Гарри снова повернулся к другу и столкнулся с изучающим пристальным взглядом.

– Было бы здорово никого не любить... – вдруг сказал Уэйд. – Не то чтобы совсем без эмоций, просто без проникновения, понимаешь? По касательной. Любить – слишком больно. Когда любишь, постоянно думаешь о смерти.... Это невыносимо. Крис рассказывала, что думала о смерти матери с пяти лет, изводила себя, плакала каждый раз. Ей было пятьдесят восемь, когда та умерла. Крис никогда не признается, но здесь было бы уместно слово «наконец».... Во всяком случае, для меня уж точно, ведь я знал, сколько лет она уже несет этот предтраур, оплакивает заранее. И по мне то-

же она плакала... я знаю. Ты думаешь о смерти Рут, Гарри? Или о смерти Джинни?

Тот вскинул брови.

– О Рут – да, о Джинни – нет. В моем мозгу, друг, всё должно быть в порядке очереди. Правильно. А когда дети умирают вперед родителей – это неправильно.

– Но такое случается постоянно... – возразил Уэйд.

– Да, верно. Сплошь и рядом. Но это неправильно. Может, кто-то где-то ошибся? Без вмешательства человека, мир был задуман гармоничным. Жизнь и смерть тоже должны быть гармоничными.

– Без вмешательства человека... – напомнил Уэйд.

– Угу, – кивнул Гарри. – Но я думаю, что ничего не происходит просто так, и родителям таких детей есть, что рассказать. Я почти уверен в этом.

– Или мы все – просто куски мяса.... Кому-то сегодня везет, а кому-то, следовательно, нет. Тоже гармония, да ведь?

Гарри хмыкнул.

– Может.... Но я не хочу так думать. Мне не нравится эта мысль. Хотя она абсолютно лишена иллюзий, что практически ее доказывает, но... я прикладываю максимум усилий каждый божий день, чтобы отогнать ее подальше... и я планирую продержаться так еще некоторое время.

– Извини. Я не хотел искушать тебя сомнениями.

– Да уж... я бы назвал это подляной. Зная, какой я чуткий и нежный внутри....

– Не знаю-не знаю... фраза о том, что преподобный Роули может надрестать смерть была не особо чуткой...

Гарри хохотнул, кивая:

– Да, не чуткой. Но я просто хотел проверить есть ли там внутри еще чуточка Уэйда, которого я знал.

Тот слабо улыбнулся:

– Проверил?

– Да, друг, проверил. Всё на месте.

Уэйд допил виски и обернулся в зал. Кроме них оставались только братья Белен, но и они, похоже, уже расплачивались. Уэйд взглянул на часы, которые, кстати, ему подарила Кристин и вспомнил про свою идею, собрать все вещи, связанные с ней и посмотреть, что это даст... что он почувствует. Отзовется ли? Обрушится ли волна новой боли или, напротив, сердце размякнет и согреется в воспоминаниях, словно укутавшись в шерстяной плед? Сейчас же он не чувствовал абсолютно ничего, кроме тяжести в голове и разочарования. Такое бывает, когда хочешь напиться, а не выходит.

Без четверти двенадцать.

– Дик должен закрываться....

– Сегодня он *будет* работать до последнего клиента. – покачал головой Гарри и испытующе глянул на бармена, который похоже всё слышал и теперь поджал губы в смиренном согласии.

– Да брось.... Тебя самого давно уже ждут дома. Я не позволю тебе просидеть здесь всю ночь.

– Да нет, это ты брось. – отозвался Гарри. – Ты тоже моя семья, Уэйд. Я люблю Рут, но если уж на то пошло, то тебя я знаю гораздо дольше.

Уэйд покачал головой, вспомнив, что именно в этом ключе думал о дочери совсем недавно. Как же они похожи! Удивительно просто! Но всё же где-то в глубине души он злился на дочь, хоть и считал себя самодостаточным родителем – отсюда и несколько жестковатые выводы в адрес Дины. Хотя давно пора смириться с тем, что твой ребенок может жить совершенно иначе, и опыт твой для него не представляет ни малейшего интереса.

– У тебя прекрасная любящая семья, не поступай с ними плохо. – покачал головой Уэйд.

– Рут поймет.

– Да, поймет... но это ни к чему, правда? Да и напиток сегодня мне, видимо, не удастся, а именно за этим я сюда и пришел. Хотя и получил гораздо больше, чем рассчитывал, благодаря тебе, Гарри. Ты разговорил меня... и даже рассмешил. Так что этот вечер можно запросто считать удачным. Правда. То, что положено делать лучшему другу в подобной ситуации, тебе удалось на ура. – Уэйд достал бумажник из заднего кармана – тоже, кстати, подаренный Крис, и положил на стойку купюру.

Гарри последовал примеру.

– Я провожу тебя.

– Старик, я же не девчонка... – возразил тот, вставая. –

Не жди, что я приглашу тебя на кофе.

– Чего это?

– *Ничего это.* – огрызнулся Уэйд, чуть улыбнувшись, и с этим они, пошатываясь, вышли из бара с самым дурацким названием за всю историю питейных заведений, в котором провели большинство вечеров в своей жизни. Кристин любила это место. Уголок настоящей английской культуры, но напрочь лишенный пасторали и чванства, хотя сюда приходили и семьями.

Ночь стояла теплая. Небо чистое и звездное. Луна таращилась подбитым глазом. Красота и романтика. Все-таки обидно умирать летом. Эта мысль снова вернула Уэйда в нужное настроение, и когда они зашагали по Парковой, он сказал:

– Мне кажется, если повторять про себя «мы умрем» очень часто, каждый день, а может и час, то оптимизма и разума в этом мире прибавится. Рано или поздно, но слова доберутся до мозга, и мы станем счастливее. Когда ты знаешь, что умрешь, то становишься свободней, чем когда-либо, тебе не кажется? Смерть развязывает руки. Как бы счастлив был бы мир, если бы все доподлинно знали, что скоро умрут.... Ты только представь.

– Уэйд, я хочу еще раз повторить свой вопрос, который уже задавал – я должен беспокоиться?

– Да, должен. – Уэйд бросил на него взгляд, сравнимый с сигнальной ракетой. – А еще о Джинни, о Рут и, вообще,

обо всех, до кого тебе есть дело. Каждый день, потому что рано или поздно это случиться и с тобой. Мы все умрем и, возможно, раньше, чем ты сам. И тогда тебе понадобится вся твоя философия, и дай Бог, чтоб ты не был один... Это я понял совсем недавно.

Гарри ничего не сказал на это. А что тут скажешь? Ты прав, дружище? Но только не надо об этом говорить. Потому что я на грани долбанного катарсиса! Мне страшно до одури! За всех, за себя, даже за Йозефа-мать-его-Клерка, но главное – за тебя. Так что помалкивай! Держи при себе эту правду и возвращайся, как ни в чем не бывало! Потому что ты составляешь мою вселенную! И без тебя она начнет рушиться!

Так они и шли, пока Уэйд не остановился на подъездной дорожке дома № 37.

– Ты точно в порядке? – спросил Гарри, уперев кулаки в бедра.

– Ну слушай... может, поцелуешь меня еще? – скривился Уэйд. – А то, по-моему, весь вечер к этому и идет.

– А что... – задумался Гарри, изобразив на лице некое подобие страсти, и придвинулся вплотную. – Если это поможет?

– Иди в ад, извращенец! – Уэйд оттолкнул того от себя.

– Ладно... – усмехнулся шериф. – До встречи. Если захочешь поговорить, звони в любое время. Только не слишком уж заморачивайся. Не позволяй своим мыслям завести тебя слишком далеко.

– Ладно, Гарри... увидимся завтра. Если, конечно, ты придешь к Дику.

– Все-таки хочешь напиться?

– Да. – кивнул Уэйд. – Хочу.

– Тогда увидимся.

Уэйд устало кивнул и поплелся в дом, а Гарри последовал примеру, чувствуя, что вот-вот упадет. Весь вечер он держался бодрячком, но только он один знал, чего это стоило. Боль Уэйда передавалась и ему. Он понимал, что пара дурацких шуток не заглушат ее, потому что он прекрасно знал, чем для его друга была Крис. Дружба дружбой, но Крис была всем. Не такая, как Рут. Рут – девчонка... вдвое моложе. Жена-любовница, не более. Гарри, конечно, любил ее, но понимал, что чувства к жене не дотягивают и до половины того, что чувствовал Уэйд к Кристин. Нельзя так любить. И он был прав – было бы здорово вообще никого не любить. Не больно... хотя и неправильно.

Уэйд захлопнул за собой дверь, бросив под нос: «Я дома», и зажег свет. Какая же грязь повсюду... Крис бы не простила. Но теперь ведь это не его проблема, в конце концов. В его планы на эту ночь уборка не входила, и Уэйд отправился в спальню, где открыл платяной шкаф и устался внутри, словно художник или мыслитель. Неужели за всю свою жизнь он ни разу не купил себе одежду сам? Выходит, что так. Он помнил все эти вещи и события, к которым они были приурочены. Жизнь, измеренная тряпками, хоть и со

смыслом. Было конечно и полно вещей, которые Крис покупала просто так, типа клетчатой рубашки и брюк хаки, которые были сейчас на Уэйде, да и последние полторы недели. . . . Но такие подарки сейчас не играли особой роли, потому что Уэйд искал только по-настоящему значимые вещи. Как, например, черная рубашка с коротким рукавом, пагонами и звездочками на нагрудном кармане. Ее Крис подарила после ссоры, которая разгорелась из-за того, что Уэйд наследил в гостинной. Так она извинилась за ту оплеуху, что отвесила ему в сердцах. А он стоял дурак-дураком и хлопал глазами, словно маленький мальчик, который вот-вот расплачется.

Уэйд с нежностью смотрел на свои аккуратно разложенные вещи и вспоминал, что они значили для него. Синяя рубашка с маленьким сердечком на внутренней стороне воротника, подаренная на День всех влюбленных в восемьдесят третьем, на которой пришлось пришивать заново несколько пуговиц, потому что леди Кристин выпила лишку и решила не озабочиваться расстёгиванием, а просто сорвать ее к едрене фене. Белые льняные брюки – на первый день лета в год их переезда в Вермингтон, когда все казалось радужным и источало запах нового. Свитер с оленем Рудольфом на Рождество две тысячи пятого, окрашенное приездом дочери с мужем вместо обычной открытки. Черные брюки с множеством карманов на пятьдесят второй день рождения, когда он напился в зюю и плакал, причитая, как ошеломительно сложилась жизнь. Толстовка Red Socks в год, когда те стали

чемпионами. И Уэйд с Крис были там на стадионе и едва не разорвали голосовые связки от криков счастья.

И еще много-много вещей. Вся жизнь в шкафу. Кому-то нужны были фотографии, чтобы воскресить кадры из прошлого, а Уэйду оказалось достаточно этого шкафа. Он вспомнил всё, и решимость его возросла. Он стащил клетчатую рубашку и хаки – бросил прямо на пол – и надел синюю рубашку с сердечком на внутренней стороне воротника и черные брюки с карманами. Потом встал на четвереньки и достал из-под кровати коробку, где лежали новенькие мокасины того же черного цвета – подарок на день рождения уже этого года – и тоже надел их. Крис говорила, что черный ему идет, как никакой другой. Странно, что Уэйду не пришла в голову мысль одеться так на похороны... он был, как дурак в своей клетчатой рубашке и брюках хаки... клоун. Но никто не сказал ему этого, никто не озаботился внешним видом несчастного вдовца, для которого все эти последние полторы недели пролетели, как один длинный невыносимый, тяжелейший день.

Уэйд автоматически переложил бумажник – всегда так делал, а потом пошел в ванную. Она до сих пор оставалась самым чистым местом в доме, если не считать пустую банку из-под пива в раковине. Уэйд поморщился, словно от этого, банка, узнав о собственном уродстве и никчемности, должна была испариться, а потом справил нужду. После этого он подошел к раковине и уставился на свое измученное отраже-

ние... но чистая опрятная одежда все-таки делала свое дело, молодила и несколько *охулиганевала*, словно Уэйд начал превращаться в того молодого буяна, без страха и задней мысли вышедшего против дюжины. Неужели дюжины?..

Волосы, будто присыпанные инеем были кое-как расчесаны и местами стояли торчком, а глаза, некогда пронырливые и вечно любопытные, провалились и отекли. Он грубо схватил себя за щеки и оттянул вниз, создав гримасу, похожую на маску из Крика, потом умылся холодной водой и, наконец, открыл шкафчик... в конце концов, разве не к этому он шел все эти полторы недели?

Вообще Уэйд плохо разбирался в таблетках, если не сказать больше. Он всегда был здоровяком, и почти никогда не нуждался в них. Он знал, что такое аспирин и парацетамол. Для жизни ему этого вполне хватало – хотя... Крис наверное, все же видней. Ведь это было на ее плечах. Иногда она приносила ему какую-то желтую таблетку, если у того вдруг побаливало сердце; иногда белую – если голова; а когда у Уэйда приключились проблемы с желчным пузырем – она принесла коричневую. Вот, в общем-то, и все его знания о фармацевтической продукции. Он даже не представлял, где Крис хранит всё это добро, но знал, что когда у нее бессонница, она приходит в ванную, включает воду и выпивает таблетку из пузырька, который хранится в этом шкафчике. Он и сейчас тут стоял. Уэйд взял его в руки и прочитал – Золпидем 5 мг. Звучало серьезно.... Уэйд считал, что названия, начи-

нающиеся с буквы «З», несут в себе нечто отрицательное и очень опасное, сообразный код. Еще один вклад в фармацевтику от непревзойденного знатока, который точно знал, что если шалит сердечко. Надо выпить что-то желтое! Он открыл пузырек. Внутри было наполовину пусто. Интересно, а этого хватит? Он понятия не имел. Но Крис пила одну и после этого спала, как убитая всю ночь, а здесь их... – Уэйд высыпал на ладонь маленькие белые кругляшки и посчитал – одиннадцать.

Одиннадцать – это много... – подумал он. Должно хватить. Жалко только Гарри... таких друзей просто так не сыскать. Ему будет тяжело. А вот у Дины всё будет нормально, у нее ведь есть Дэниэл. Она справится. А Уэйд – нет. Без Крис – нет. Она была всем для него. Самоубийство – это просто решение не жить дальше. И он не уговаривал себя в баре, как сказал Гарри, он цинично шел и готовился к тому, что собирался сделать. Человеческая смерть для мира – это ничто. И кто это сказал, что человек не вправе распоряжаться собственной жизнью. Религия? Но религия – это орудие политиков и не более чем. Иисус тоже знал, на что идет и чем все это для него закончится... Цинично? Да. Никто не отрицает. Если Бог есть, то он никогда бы не поступил так... потому что знал бы, что от его живого сына куда больше пользы для людей, чем от мертвого. А так... людей просто сделали вечными должниками. Такое может понравиться только человеку... но никак не Богу. Так что не надо всей этой

фигни....

Уэйд налил стакан и высыпал горсть таблеток в рот, а потом запил. *Это много. Этого должно хватить....* Не то, чтобы он поощрял самоубийства... нет, напротив, как и большинство Уэйд считал, что, к примеру, подростки вообще не имеют права этого делать, поскольку гормон играет, и искажено видение ситуации. Им кажется причем совершенно искренне, что кроме их дурацкой любви больше ничегошеньки и нет, а непонимание настолько радикально непреодолимое, что пережить это ну просто никак невозможно. Но даже, если взять самого несчастного подростка на планете, на которого свалились все возможные возрастные беды плюс насилие и побои, он все равно не имеет права убивать себя перед собой же, поскольку всё это пройдет – и боль, и унижение, и тоска. У большинства самоубийц нет достаточной аргументации и убедительной базы для этого. Всё на эмоциях. Но он также считал, что есть случаи, когда другого пути просто нет. К примеру, когда умирает всё самое дорогое в твоей жизни, или когда умираешь ты сам и просто не хочешь чувствовать боль или медленность умирания. Почему нет? Всё и так ясно. Поэтому Уэйд не испытывал и намека на угрызения совести и несказанно обрадовался, когда захотел спать. Неистово захотел спать. Веки слипались, никакой тошноты, никакой боли – ничего, только непреодолимое желание спать. Просто мечта инсомника. Те, кто склоняются к иному способу, явно прогадывают. Да и вообще, Уэйду было всегда интересно, по

какому принципу люди выбирают способ... Что это – проявление психохарактеристики личности? Что за люди, которые лезут в петлю? Им что никто не предупредил, что тело испражняется? Или они специально хотят насрать напоследок? И не надо забывать про синий торчащий набок раздувшийся язык, который довольно сложно запихнуть обратно. А те, кто вскрывают вены? Это что обиженные вниманием люди? Хотят последнего шоу? Тем более что шоу действительно обеспечено, потому что потере сознания предшествует агония, лицо сводит судорогой, после которой действительно сложно будет расслабить мышцы, сведенные кошмарной гримасой. Так что частенько человека так и хоронят с перекошенным изуверским лицом. Также расслабляются сфинктеры заднего прохода. Абсолютно белый труп плавает в собственном говне и крови. Бедняги те, кому суждено столкнуться с этой картиной воочию... Да ну, и так умираешь – зачем вся эта лишняя боль, кровяца и дерьмо, или вообще какой бы то ни было дискомфорт? Что может быть лучше, чем смерть во сне? Хотя, конечно и здесь есть свои прорехи – сложновато дозу рассчитать, ведь каждый организм реагирует на вещество по-своему. Так что всегда маячит возможность захлебнуться в блевотине или остаться больным, немощным.

Уэйд осел на пол, так как ноги уже не держали. Он и представить себе не мог, что может *так* клонить в сон... Ничуть не сопротивляясь, он улегся на спину, уложив колени рядом, и подумал о Гарри, о том, что завтра первым делом позвонят

ему в участок. Представил, как омертвевает его лицо, и как покатятся слезы. Да, скорее всего Гарри заплачет, и это будет ужасно. Украдкой, чтобы никто не заметил. А Уэйд еще не плакал по Крис, ходил, словно в ступоре каком-то. Дышал на автомате.... Но когда Гарри приедет сюда, то будет держать себя в руках. Даже, когда зайдет в ванную – в самое чистое место в доме, где будет лежать его лучший друг-мертвец.

Уэйд горько улыбнулся и закрыл глаза. Он уже засыпал. Мысли уносили его подальше отсюда, куда-то, где нет ни высотных домов, ни множества машин, ни единого следа прогресса. Так они мечтали когда-то.... Таким они представляли себе Вермингтон перед тем, как переехать. В их фантазиях там были просто деревья и маленький домик.... И Крис на его пороге... стоит, распахнув руки. Живая и прекрасная как утро.... *Какой хороший сон... – подумал Уэйд. – Какая хорошая смерть....*

– Я дома... – сказал он ей, и нить, связывающая его с реальностью, оборвалась.

Мир № 2

В голове шумело. Да это вообще разве голова? Котел какой-то... Есть такой недуг – так называемое ощущение тяжелой головы. Уэйд когда-то читал, что подобное возможно из-за пересыпа, но в целом относится к проблемам верхних отделов позвоночника. Голова не болит, но внутри, словно кто-то пытается выдавить остатки зубной пасты из тюбика. Особенно неприятные ощущения в районе бровей, но легкая тупая боль постоянно меняет приоритеты, базируясь то в висках, то в затылке, то в самом темени. И всё напряжено. У Уэйда случилось такое пару раз с похмелья. Тупость, неповоротливость... в общем жуть. Сейчас было то же самое. Он открыл тяжелые слипшиеся веки и моргнул пару-тройку раз, чтобы избавиться от этого липкого ощущения. Ванная комната плыла, и не было никакой надежды, что она остановится. Мутило. Мутило, как никогда в жизни. Даже, когда он отравился грибами – было не так плохо. Уэйд понял, что если останется лежать, то захлебнется собственной блевотиной, которая в считанные секунды вырвется наружу. Но он также ощущал совершенно дикую немоту и не знал, хватит ли ему сил приподняться. Хорошо хоть заснул рядом с унитазом, а не в какой-нибудь другой комнате... рядом с роялем в гостиной, к примеру. О Боже, как же херово! Что-то мерзкое поднималось по пищеводу, и он понял, что *пора...* либо

сейчас, либо все пропало.

Он совершил титаническое усилие, чтобы перевернуться на бок, потом встал с трудом на колени и нырнул головой в унитаз, словно радостный дельфин, отхвативший угощение. Он не ел больше суток, но зато пил, как верблюды, так что хлестало, словно из брандспойта. Одной жидкостью, которая почему-то дальше желудка так и не ушла. Наверное, почки и печень просто решили, что с них хватит алкоголя и всё. Когда эти дивные минуты, наконец, закончились, Уэйд отвалился от унитаза и растянулся звездой на полу. Все его лицо было забрызгано блевотиной, он был, прямо сказать, жалок, если не сказать – ничтожен... *Выходит, одиннадцать – это не так уж много...* – подумал он. – *А может, просто, лекарство слабое.* В любом случае, Уэйд налажал. Собравшись с силами, он поднялся на ноги, шатаясь и кряхтя, и повис на раковине. Потом включил холодную воду, подставив лицо прямо под струю. Во рту стояла смертельная горечь, и дитчайший сушняк. От одного вида воды можно сойти с ума – хорошо, что она не дрейфующий мираж как случается в пустынях. Он припал к крану мучимый жаждой, словно африканская зебра, почти издохшая во время засухи и вдруг наткнувшаяся на последнее озерцо. Напившись, Уэйд прополоскал рот несколько раз и с неохотой сплюнул. Хорошо верблюдам – они могут оставлять воду про запас и таскать ее в своих горбах сколько потребуется. Хотя с другой стороны, у людей есть всякие там термосы, но эта мысль в голову

звучала не так романтично.

Чтоб я еще раз покончил с собой... – подумал Уэйд. – *Да ни в жизни.*

Впервые за последние дни ему захотелось что-то съесть. Ну хотя бы для того, чтобы заесть горечь. Он зачерпнул ладони воды и вылил на голову, а потом выключил воду и тяжело вздохнул, глядя на собственное отражение и удивляясь, что можно выглядеть гораздо хуже, чем он выглядел вчера. Видимо от расстройства он отвесил себе пощёчину, да так, что в ушах зазвенело. Женщины иногда так делают, чтобы кровь прилила к щекам, и вид был более здоровый и свежий. Не сильно, но делают. Наконец, Уэйд, нехотя отцепился от раковины, служившей ему, как оказалось, подпоркой, потому что он едва не упал, и поплелся из ванной.

Появилось странное ощущение, что вокруг всё как-то изменилось... Что-то не так, словно мелочь типа вазы или подсвечника стоит не на месте. Забавно, насколько ничтожные вещи делают привычной и уютной окружающую нас обстановку. Хотя в данной ситуации дело было не в них... Уэйд чувствовал себя настолько уничтоженным и вывернутым наизнанку, что даже не заметил отсутствующей банки из-под пива в раковине – какие там вазы с подсвечниками! Но, тем не менее, испытывал настоящий дискомфорт, как если бы забрался в чужой дом, только вот никак не мог ухватить, что же именно не так... Он шел в кухню, наивно надеясь, что в холодильнике все-таки хоть что-то осталось, и вчера за

единственной банкой пива ненароком спрятались прогорклые чипсы или плесневелый кусочек сыра. Ну, может, в морозилке? Ощущение нарастало. Почему-то все вокруг показалось чужим... Наверное, снотворное с виски изменило его восприятие, повредив мозг – его ощущение реальности. С сильного похмелья и не такое случается, верно ведь? Что же не так?

Уэйд завалился в кухню, все еще не понимая, в чем дело. Мозг явно не желал включаться, хотя ощущение странности и необычности на кухне стало просто невыносимым. Уэйд, озираясь по сторонам, открыл дверцу холодильника... и обалдел. Божественный свет обдал его – грешника своей благодатью, демонстрируя полки, ломящиеся от еды, а ведь вчера здесь стояла только одна банка пива. Уэйд моргнул, не веря глазам, а потом выглянул за дверцу холодильника и более внимательно осмотрелся. Теперь он всё понял. Понял, что не так. Повсюду было чисто и натерто до блеска. Всё как при его жене. Похоже, Дина вернулась и навела здесь лоск. Вот и разгадка, а он уже возомнил себя пророком богохолодильника. Уэйд кивнул сам себе и вновь уставился на содержимое, и в желудке тут же заурчало. Он не хотел портить едва ли не вылизанный стол крошками, поэтому отказался от идеи приготовления настоящего сэндвича с майонезом и листьями салата. Вместо этого он вытащил два кусочка хлеба из упаковки с нарезным батоном и положил между ними четыре кружочка салями. Ммм... как же это вкусно! Уэйд

проглотил бутерброд и тут же сделал себе еще один. Съел его чуть медленней, и наслаждаясь каждым прожеванным кусочком. Достал пакет молока, открыл и сделал несколько жадных глотков. Уэйд почувствовал себя почти сытым, но для полного счастья ему был необходим еще один бутерброд. Как же хорошо, что приехала Дина! Теперь этой еды ему хватит еще на несколько недель. Уэйд сделал себе последний бутерброд и поплелся из кухни.

– Дина! – закричал он. – Ты где, милая!?

Но никто не ответил. Голова гудела, а кости ломило, как при гриппе, и Уэйд подумал, что ему, похоже, придется отказаться от идеи напиться сегодня с Гарри. Слишком уж туго.

Уэйд застыл посреди гостиной. Ощущения нахлынули новой волной, и доминирующим из всех стал страх. Резко подскочило давление, а сердце встрепенулось пичугой готовое выпорхнуть из груди. Да, здесь тоже стало чисто, но дело было не в этом. Далеко не в этом... Пропал столик, обретенный Уэйдом на барахолке и подаренный Крис на годовщину, с японским иероглифом «ветер» посередине. Он напоминал им о тех беззаботных временах, которые они провели в Бостоне, пока учились, и Уэйд увлекался всем восточным. Хотя на самом деле Кристин мирилась с присутствием подобного дурновкусия, потому что помнила, как муженек пер его на собственном горбу через полгорода, лишь бы сделать ей приятное. Такое грех выбрасывать. Может, конечно, Дина

его переставила, но зачем? И это было еще не всё. Исчезли все их совместные фотографии, сделанные за последние лет двадцать. Их место заняли две совершенно новые и нераспознаваемые. Одна с Крис, Диной, Дэниэлом и еще каким-то мальчиком лет трех, которой Уэйд даже не помнил, и что это за пацаненок?.. Под фото стояла дата 13.03.09. А вторая – семейная, вместе с Уэйдом. Дине здесь было лет пять, и они втроем стояли на подъездной дорожке какого-то дома, которого он тоже не помнил и понятия не имел, где и когда была сделана эта фотография. Всё более чем странно.... А еще исчез его «Винчестер», который висел над пианино. Гарри прослыл заядлым охотником и посадил Уэйда. Это были хорошие моменты, когда открывался сезон, и они оба уходили в лес. Два охотника, преисполненные надежд сорвать куш и просидеть полночи у костра за выпивкой и задушевными разговорами. Теперь ружьё пропало, и Уэйд ненароком подумал, что у Дины появились подозрения насчет его суицидальных намерений. Такое же могло быть? Но Уэйд прекратил звать дочь. Почему-то прекратил. Он пошел в спальню тихими аккуратными шажочками, озираясь по сторонам и прижимаясь к стене. На всякий случай.... Уэйд никогда не сталкивался с ворами лицом к лицу, но Гарри говорил, что правило первое – не шуметь. Если судить образно, то на одной чаше воображаемых весов Уэйда расположилась Дина, а на другой воры, и сейчас вторая – начала немного перевешивать. Хотя, по сути, к такому умозаключению придти

очень сложно, если учесть наличие продуктов в холодильнике и чистоту. А может, приехала Дина, навела тут лоску, а потом пробрались вору? Вроде, логично.

Уэйд прошмыгнул в спальню и неслышно повернул замок, чувствуя себя теперь боле-менее в безопасности. Уэйд осмотрелся. Первое, что бросилось в глаза это отсутствие вещей на полу, ведь вчера вечером он побросал здесь одежду. И еще нет гипсового ангелочка, которого он подарил Крис совсем недавно, и та держала его на прикроватной тумбочке. Да что ж здесь, черт возьми, происходит?! Повинуясь какому-то инстинкту, Уэйд распахнул шкаф... и тут же осел на кровать, не моргая, пялясь внутрь. Его вещи пропали.... **ВСЕ ЕГО ВЕЩИ ПРОПАЛИ!!!** Зато одежда его жены, которую он целый день убирал в коробки, после чего психанул и разнес в щепки обувную стойку, висела, как ни в чем не бывало. Какая-то мистика.... Это не могла быть Дина. Какой смысл? Если только она не сдвинулась – забила холодильник, вычистила дом и убрала все его вещи и мебель, которую он дарил. Как будто бы это Уэйд умер, а не Крис. Да что же это за хрень такая?! Чертовщина. Теперь он разозлился. Неужели это дело рук Дины? Надо позвонить Гарри.... Пожалуй, он единственный, кто знает, что делать в подобных ситуациях. Уэйд дотянулся до трубки и набрал мобильный Гарри. Тот взял после третьего гудка.

– Да...

– Слушай, Гарри, у меня дома какая-то чертовщина тво-

рится! Пропали все мои вещи. Я не знаю, что думать... – то ли меня обокрали, то ли это чья-то дурацкая шутка. – выложил Уэйд приглушенным голосом.

– Кто это?

– В смысле? Не узнал что ли? Это Уэйд.

– Что за Уэйд? – напряженно спросил Гарри.

– Да что сегодня происходит!? – в сердцах воскликнул тот. – День дурака, что ли? Это я, Гарри!!! Уэйд Стивенс – муж Кристи!

– Кристин Стивенс?.. – переспросил Гарри подозрительно.

– Господи, ну да!

– Это не смешно, парень. Насколько я знаю, ее муж умер еще до того, как она переехала сюда, и второго у нее нет.

– *Что?* – Уэйд понизил голос. До него потихоньку начало доходить, что произошло нечто ужасное, непоправимое и абсурдное... но он еще пытался развеять эту мысль.

– Это Крис умерла, а не я....

– Миссис Стивенс умерла? – переспросил Гарри. – Когда? Я видел ее машину с утра.

Но Уэйд уже не слышал его, он выпал на время из разговора. Его внимание привлекла фотография. Из выпускного фотоальбома. Большой такой портрет – Крис его очень любила. Говорила, что Уэйд здесь чертовски хорош собой. Она здесь и раньше стояла, но теперь кое-что было не так... кое-что прибавилось, отчего спина Уэйда покрылась мураш-

ками. На рамке висел маленький нательный крестик, которого тот *никогда* не снимал. Теперь он болтался на снимке. Уэйд непроизвольно расстегнул несколько верхних пуговиц рубашки, открыв красное вышитое сердечко на внутренней стороне воротника, и дотронулся до груди. Крестик был на месте. Откуда взялся второй? Как это возможно? И что же здесь все-таки, черт возьми, происходит???

– Эй, мистер, вы слушаете? – грубо позвал Гарри. – Ответьте, вы сейчас в доме Кристен Стивенс?

– Я? – промямлил Уэйд. – Что? Да.

– Патруль уже у дома. Ничего не предпринимайте. Вы поняли?

Уэйд в ужасе бросил трубку и вылетел пулей из спальни. Он не знал, что делать, но здесь оставаться не мог. Ему было нужно найти место, где можно взять тайм аут и все обдумать. Весь этот бред. Пересекая гостиную, он схватил тот самый снимок с Кристи и Диной на фоне какого-то дома, и сунул его прямо в рамке в один из многочисленных карманов брюк. Потом подскочил к входной двери, отметив, что все его многочисленные ботинки тоже пропали, глянул в глазок и увидел подъезжающую патрульную машину. Тогда Уэйд бросился в противоположенную дверь, которая вела во внутренний садик, и нещадно наступая на розы и гортензии, которые его жена выращивала с такой любовью, прорвался сквозь живую изгородь и побежал со всех ног к лесу. Он ничего не понимал из всего произошедшего, поэтому тело – его

биологическая машина – всё взяло в свои руки, а точнее ноги... Надо было убежать и спрятаться, чтобы выиграть время. Может, тогда и повезет – мозг Уэйда тоже включится в работу. Кромка леса выступала сразу за разросшимся полем, которое начиналось сразу за линией домов на Кленовой улице. И Уэйд понятия не имел, как он вообще смог преодолеть всё это расстояние в свои шестьдесят пять лет. Он, конечно, бегал раньше, но это скорее называлось спортивной ходьбой для галочки, чтобы Кристин краснела, глядя на его голую задницу. А сейчас все было взаправду. Настоящая погоня. Вот уж не думал, что придется на старости лет скрываться от полиции! Но жизнь преподносит сюрпризы, не считаясь с возрастом. Казалось, ноги просто оторвутся, не способные угнаться за сознанием, которое уже достигло некоей выбранной точки. И тем не менее, Уэйд Уэйд справился, буквально рухнув на землю, когда пересек первую линию деревьев... и подумал, что сейчас умрет. Он хватал ртом воздух, издавая звук, похожий на ослиный рев. Грудь разрывало. Это, конечно, не алый распускающийся цветок боли, как описывал инфаркт Джон Праунс из его строительной бригады, но близко... очень даже близко. Сердце никогда еще не билось так часто. Правый бок колело, ноги одеревенели. Вот что значит бухать полторы недели – все твои спортивные достижения к чертям....

Уэйд знал, что надо уходить, что его скоро найдут по следам, но не находил в себе сил встать. Очень скоро боль в

груди превратилась в каменный столб, не позволяющий нормально дышать. Постоянно отходила слюна, и Уэйд отплевывался. Такая вязкая и теплая. Минут через пять ему чуть полегчало. Во всяком случае, ровно настолько, чтобы подняться на распухшие ноги и поплестись вперед. Мозг пока еще молчал, но очень скоро Уэйд взял левее, что было хорошим знаком. Он знал, что полицейские будут прочесывать лес, потому что Уэйд наследил, и это мягко сказано... Потоптал цветы, поломал изгородь, пробежал всю Парковую до Лисьей Звездочки, оставив грязь с ботинок. Потом через поле. Умный и глазастый, коим являлся Гарри, всё это непременно заметит, а дальше, подобно Тонто, выследит Уэйда за полчаса. И что же будет дальше?

Было одно место, о котором только они и знали. Секретное. У маленького лесного озерца – им там везло в плане охоты. Их место и только. Где бы сейчас не находился Уэйд, он знал, что если это самое место там, где ему и положено быть, чего утверждать в подобном кавардаке просто невозможно, то Гарри, увидев следы, придет туда... и придет один, потому что не захочет делиться своей удачей ни с кем. Эта опушка источала настоящую охотничью магию, и Уэйд шел туда. Он понятия не имел о том, что скажет человеку, которого по значимости приравнивал к Крис, и который теперь не узнал его... и Гарри не шутил. Определенно нет. Юмористом он никогда не слыл, скорее наоборот. Так что это не розыгрыш, Гарри действительно не знал, кто такой Уэйд Стивенс.

Знал только, что тот умер, и что это случилось до переезда Кристин в Вермингтон. Уэйд испугался. Он был напуган до смерти.

И, кстати, о ней... о родной. Пожалуй, единственным объяснением, которое сейчас принимал мозг Уэйда, было то, что он всё-таки умер, и абсурд сложившейся ситуации – не более, чем игры угасающего сознания. Даже то, что он блевал. Хотя, тот же самый мозг ставил эту идею под сомнение, и снова единственное, что оставалось – это пугающая неизвестность. Ну просто, пусть это будет Гарри.... Тот, кому Уэйд всё расскажет. Пусть это будет Гарри, ладно?

Где-то минут через сорок Уэйд, наконец, вышел на берег лесного озера, где им так везло. Стайка жирных диких гусей покачивалась на зеркальной глади. Гарри бы описался от восторга. Где-то сзади дрогнул куст, и Уэйд знал, что это заяц. Да, участок был благодатный – ходить никуда даже не надо. Стой да перезаряжай. Делов то.... Он осмотрелся и заметил кострище ровно на том же месте, где и должно, и поваленное дерево, на котором они столько раз сидели, ужиная, и вели задушевные полуночные разговоры. Уэйд когда-то по молодости вырезал на нем имя своей жены. Стоило проверить, хотя и надежды не осталось. Он подошел к бревну, и, напрягая изо всех сил глаза, осмотрел его. Нет... никакой тебе КРИС. Теперь точно – ни шутка и ни фарс.

Да и вряд ли, это смерть.... Просто мир без Уэйда Стивенса. Но как, черт возьми, это случилось? Мозг вообще мо-

жет преподнести умирающему и не такой сюрприз, но это не отменяет ситуации, у которой есть свои правила. И им надо подчиняться, потому что другого выбора просто нет. Словно срубленный, он обрушился на поваленное старое и изъеденное короедами дерево и обхватил ладонями голову. Как же так вышло?..

* * *

Гарри Оуэнс увидел, куда идут следы, и распустил патруль. В конце концов, эти сопливые щенки изначально не хотели идти в лес, считая, что тот парень слоняется по городу. Вот пусть там и ищут. Всё равно следопытов из них не выйдет. Для них, что след человека, что кабана – один хрен. Гарри не мог рисковать своим счастливым местом – удача может отвернуться. Так ведь бывает, когда предаешь чудо. А он уж сам как-нибудь разберется... и не таких брал голыми руками. Тем более, что сейчас с ним был его друг Гарри младший – Ругер ЖиЭс 32Эн. Так что всё в порядке.

Гарри шел и видел, куда ведут следы, и ему это очень не нравилось. Сначала он понадеялся, что шизик просто ушел в том направлении, но с каждым шагом крепло убеждение, что его секретная опушка больше несекретная. Так и случилось. Гарри видел свое кострище и поваленное дерево, которое притащил сюда из чащи собственноручно. Видел он и мужчину, сидящего спиной к нему и обхватившего голо-

ву. А еще он видел нечто странное. Нечто, что даже заставило отвлечься от парня. По поляне кружило приблизительно с сотню бабочек ярко-красного цвета, небольших, но очень красивых. Они были повсюду словно разлетевшиеся искры. А еще, он не заметил этого сначала, у самого берега выстроились в ряд, будто солдаты перед расчетом или пожарники, девять жирных диких гусей. Они тарасились на человека, обхватившего голову, и тянули к нему шеи, похожие на змей.

– Какого черта? – изумился он тихо, но Уэйд услышал.

Он резко поднял голову на звук, и словно по команде все девять гусей страшно зашипели и пошли в атаку. Уэйд, вскрикнув, подпрыгнул на месте как обожженный и отскочил в сторону, не понимая, что происходит. Так могут кричать только мальчишки, обнаружившие у себе на спине пиявку. А гуси шипели и наступали.

– Черт тебя дери, Гарри, да помоги же!!! – в сердцах выкрикнул он и заметил бабочек. – Боже... что это, блин, такое?!

– Отойди в сторону! – крикнул Гарри гневно и выстрелил в гуся.

Очень странно, но на остальных это не произвело должного впечатления. Они всё продолжали шипеть и наступать. Таким образом, Гарри пристрелил еще парочку, и тогда оставшиеся шестеро, наконец, опомнились и, забив крыльями, тяжело поднялись в воздух. Потом он, недолго думая, наставил свой ругер на Уэйда и довольно спокойно – хотя был далек

от этого – спросил:

– Что здесь происходит?

– Я не знаю, Гарри. . . . Я понятия, блин, не имею, что здесь происходит! – Уэйд развел руками. – Меня зовут Уэйд Стивенс, и мы с тобой были лучшими друзьями сорок с хреном лет. . . . а сегодня я проснулся и обнаружил, что вокруг всё *не так*, а ты вообще заявил, что я типа умер давным-давно. Я понятия не имею, что происходит. . . . Вот взгляни, – он сунул руку в карман брюк и услышал, как Гарри отвел курок, но Уэйд особо не обратил на это внимания, продолжая бороться с пуговицей.

Наконец, он достал фотографию в рамке и протянул Гарри. Тот медленно подошел, не опуская ружья, и взял ее. Потом так же осторожно отступил и глянул на фото.

– Ну что? Ты видишь? – нетерпеливо спросил Уэйд. – Это я, это Крис – моя жена, это Дина – наша дочь. . . . Не замечаешь сходства? Я там, конечно, по моложе, но. . .

Гарри поднял на него тяжелый взгляд, словно пограничник в аэропорту и вновь вернулся к снимку. Красные бабочки то и дело садились на их плечи.

– Я пришел сюда, потому что это наше место. Мы здесь охотились. Здесь нам всегда везло. Мы вместе его нашли, Гарри. Господи, да мы еще вчера сидели и пили, и ты пытался меня утешить!

– Чего это? – спросил тот, глядя то на снимок, то на Уэйда.

– Крис недавно умерла, и я не мог придти в себя.

– Это я уже слышал... – констатировал Гарри.

– И ты понимаешь, что на снимке я, и что я не умер, как ты сказал раньше?

– Или твой брат... или очень похожий человек... – задумчиво протянул тот. – А, может, мне стоит задать пару вопросов Крис?

– О нет, прошу! – взмолился Уэйд. – Только не надо ее вмешивать. Разберись лучше со мной и с тем, как я могу быть жив, если по твоим словам я мертв.

Уэйд смахнул со щеки красную бабочку.

– Ты же любишь загадки, Гарри, а тут загадок до черта. Умоляю....

– А может ты его спятивший брат-близнец, который сбежал из дурдома и теперь хочет захватить себе чужую жизнь?.. – размышлял Гарри, наконец, опустив пистолет. – Может птицам ты просто понравился? Может ты их дразнил? Я же не видел.... И бабочек можно объяснить, если хорошенько подумать?

Уэйд потупил глаза.

– Ну хорошо, тогда откуда я знаю, что твоя дочка Джинни повернута на всем мистическом и паранормальном? И что, когда ей было два, Рут забыла ее в детской комнате торгового центра, и ты хотел развестись с ней? На самом деле хотел, но я отговорил тебя, потому что считал, что она правда ошиблась.... Она очень любила и тебя, и Джинни, поэтому такое можно простить, тем более что всё закончилось хорошо. Так

что можно простить.

Гарри отступил и сощурился, уставившись на Уэйда. В его голове происходила нешуточная работа, словно сталкивались какие-то противоречивые механизмы. Через минуту он осторожно сказал:

– Ну это, положим, можно узнать...

– Ладно... – Уэйд понизил голос. – Тогда пойдут тёмные секреты, но учти – ты сам напросился.... В выпускном классе ты гулял с девчонкой по имени Бетси Поуп, и однажды вы пошли в лес. Ты вообще любил водить своих девчонок в лес, Гарри.... Во всяком случае, пока жил с матерью – она ненавидела твоих подружек, но это совсем другая история. – Уэйд многозначительно глянул на Гарри и мог поклясться, что у того свело скулы. – Только ничего у вас не вышло тогда, потому что тебе приспичило и довольно сильно. Ты отошел поглубже в лес, присел, сделал свое дело, и в тот самый момент, тебя в зад укусила гадюка, на которую ты и наложил.... – Уэйд хохотнул. – Когда ты это рассказал, я и сам чуть не обделался от смеха. Ты ведь собирался на ней жениться, помнишь? Сразу после школы. А она разбилась на машине... как сейчас помню – двадцать второго июня. Этот проклятый месяц оказался жесток к обеим нашим женщинам, и только я знаю, как тяжело ты это перенес.... Зато твоя мамаша была вполне счастлива. Она ненавидела всех, с кем ей приходилось делить свое сокровище. Тебя. Она обожала тебя, и после смерти отца это стало слишком явным. Но ты

мирился, потому что у тебя всегда находилось что-то еще... а потом погибла Бетси, и ты остался совсем один... наедине с женщиной, которая заставляла тебя расчесывать ей волосы каждый вечер и массировать шею после работы. И когда ее *намерения* стали столь очевидными, что на них было больше невозможно закрывать глаза, ты сбежал. Как раз началась война во Вьетнаме, и ты пришелся как нельзя к месту. Ну а в ноябре шестьдесят седьмого тебя едва не убили, и тебе пришлось вернуться...

Гарри инстинктивно прижал руку с зажатым ругером к бедру. Ранение едва не сделало его калеккой, ногу хотели даже ампутировать... Еле спасли. Гарри до сих пор немного прихрамывал.

– Но когда ты вернулся, то был уже совсем другим... – продолжал Уэйд. – Глядя на тебя, все говорили, что ты далеко пойдешь. Ты не казался растерянным, не нуждался ни в чьей помощи, как большинство стажеров. Ты был жестким и крепким парнем. Гораздо круче тогдашнего шерифа. А с матерью ты больше не встречался, даже на похороны не пошел. А еще решил не жениться и не влюбляться, потому что это оказалось слишком больно. – Уэйд кивнул, соглашаясь с этой мыслью. – Но я вижу по твоим глазам, что ты ищешь подвох, ищешь лазейку, в которую я пробрался и узнал эту историю. Хотя про мамашу, ты никому кроме меня не рассказывал, даже Рут.... Тогда я сразу перейду к следующей истории, которую ты вряд ли мог кому-то рассказать. Мне

ты ее рассказал только потому, что сильно напился. Да и то, знаешь... я так до сих пор и не знаю самого главного – *было или не было*... если ты понимаешь, о чем я толкую. Мне кажется, ты даже себе не признался в этом... В общем, ты был красивым парнем, Гарри. Девчонки были от тебя без ума. Да и не девчонки тоже...

Глаза шерифа остекленели, а скулы напряглись.

– Однажды ты шел из школы. Шел своей дорогой, не через центр. Там было очень малоллюдно, а точнее, о той извилистой тропке вообще мало, кто знал – тем она тебе так и нравилась... до того дня. Но одного человека ты все-таки встретил. Ты не знал его имени, потому что он не жил в Вермингтоне постоянно, а просто подрабатывал на ферме у Кобенов. Тогда у них еще была ферма, а не обветшалое строение, полное призраков, как верят наши с тобой дочери. Так вот он заговорил с тобой, и ты охотно отвечал, но в мыслях у тебя было одно единственное желание – поскорей уйти. Я все верно говорю, Гарри? Ничего не путаю?

Он сошел с лица, белый как мел, руки тряслись. Эту историю шериф не рассказывал действительно никому, да и себе не признавался до конца, как сказал тот парень. Всё так и случилось. Хотя именно эта история сделала Гарри тем, кем он стал. Он заставил себя забыть о том, что произошло, как бы заблокировал это воспоминание, а сейчас из-за этого шизика в груди разрастался страх, что сдерживающая его стена прорвется. *Так было или не было?*

– Ну слава Богу, друг, я, наконец-то, попал в точку! – воскликнул Уэйд. – Дальше я в принципе могу не рассказывать, тем более что это может воскресить болезненные воспоминания.

– Да уж сделай милость. – очень тихо сказал Гарри и сделал медленный шаг к Уэйду. – Всё это очень странно, и мне нужно время разобраться. До тех пор ты побудешь в участке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.